

К выставке
«СЛУЖЕБНЫЙ ХАРАКТЕР СНОВЕДИНИЙ, ФРЕЙД И ИБЛИС
СЛАДОСТРАСТНОГО ПОВТОРЕНИЯ»

В топологии сновидения, авторитет сна производит разрывы смыслов, превращая линейное повествование в обрывки, о нестыковках в которых спотыкается речь неотвратимей, чем можно было бы подумать изначально, в желании сделать её связной и убедительной.

Сны бесцеремонны. По каким-то неизвестным причинам одно сновидение неожиданно обрывается, уступая место следующему сновидению с совершенно другим сюжетом. Между обрывками образуются дыры, которые не имеют края, а их протяженность не вычисляема, их невозможно заполнить тем смыслом, который бы соединил два обрывка в одно целое. Таким образом, та слитность, в которой сон являлся бы цельным повествованием, невозможна. При пробуждении приснившееся подвергается деконструкции, фрагментируется, а любое описание, тем более объяснение, видятся более чем туманными.

Мы пытаемся пересказать сон с одной лишь целью - наделить увиденное каким либо смыслом, добавляя в описание сна, в свой рассказ нечто, якобы до этого ускользнувшее из памяти. В итоге получается интерпретация сна, которая скатывается к самым банальным вещам, отсылая к настоящему. Пересказ сна и его интерпретация - это сознательная речь с неким смыслом, адресованная другому.

Если сновидение — это способ показать желание, то большая часть сновидений, стертая с памяти во время пробуждения, ускользает и не может быть интерпретирована.

А если сон колонизирует тело, сознание и через множество подобных субъектов, посредством коллективного бессознательного заставляет воспроизводить себя как настоящее?

Но мы вернемся к тому моменту, когда интерпретация сна отсылает к настоящему, то есть пространству, в котором разворачиваются предельные жизненные обстоятельства, и которые влияют на любое индивидуальное событие. Тем более, когда настоящее предстает в виде носителя некой воли, воли другого, тем самым порождая травматическую историю столкновения. И это история - история коллективного бессознательного, - того, что неотделимо от нас в отличии от сознательного представления о себе.

Хочется задать вопрос:

Насколько реальность, в которой мы живём, становится содержанием сновидения, его событийным наполнением, и насколько реальность есть продолжение сна, становясь речью самого сновидения, являясь каналом, через который просачивается работа бессознательного желания, таким образом показывая реальность, сплетённую с фрагментами?

Чистая творческая автореферентность недостаточна для объяснения механизмов сна. Тем не менее художественные рефлексии могут репрезентироваться как адекватные способы описания происходящего в настоящем, вступать в реакцию с действительностью и с увиденным во сне, склеивая, совмещая, намечая тот или иной дискурс, при этом не утрачивая консистентность и бдительность. Тем самым поддерживаются различные сборки художественных высказываний, интерпретирующих спектр влечений, фобий, намерений, которые преследуют определённый социум, субъекты-группы и подвергшегося мутациям общество в целом, замкнувшемся исключительно на себе, оставившего управление и последнее слово за политиками и властью (нужно учесть, что мутационные процессы в обществе происходят на фоне ускоренной масс-медиализации и построения капитализма с его расслоением общества на классы). Тем более когда речь идёт о нашем обществе с его коллективными сборками поступков и высказываний в их пустых машинальных повторениях, с отдельными группами, пытающихся играть роль лидеров общественного мнения, в котором общими усилиями яркая творческая личность низводится до уровня толпы. Машинальные повторения приводят к тому, что через некоторое время человеческие субъекты считают их порождением собственного мыслительного процесса, принимая за собственные мысли, тем самым обнаруживая психологию податливой толпы, на которую легко воздействуют различные информационные медиа, формируя и эксплуатируя определенные поведенческие типы.

Подобный порядок вещей легко прослеживается в производстве художественной продукции, в котором властвует не креативное начало, а лукавый Иблис повторения. В итоге человеческий субъект, - художник, поэт, режиссер, - считая себя наделённым определенными правами, с ощущение мнимой ясности, вместо оригинальных художественных произведений занят производством имитаций, пародируя и деформируя чужие оригиналы. В этом случае причастность к искусству и та предсказуемость упорядоченной жизни, связанные с членством в государственных институциях - в Академии, в Союзе писателей, композиторов, кинематографистов и т.п. - обещают комфорт, одаривают чувством компетентности

и легитимности, то есть одевают «особым» местом и ролью в иерархизированном общественном пространстве как сном иного порядка или иллюзией, укрепляющими веру в своё несомненное дарование и дарящими надежду придать смысл своей жизни, но в то же время происходит усреднение, выравнивание с другими членами профессионального сообщества, если со временем не приходит разочарование когда индивид не достигает поставленной цели, - карьерного роста. Взамен государственная структура требует от каждого члена подчинение установленным законам, несомненной верности, усреднения с другими членами профессионального сообщества и несопротивление линии контроля.

Личный выбор уже не сам сон, но продолжение в реальности каждый раз приснившейся истории: то ли это пребывание художника в творческой независимости, утверждающей новые ценности, свободу, активизм и усилия публичного сопротивления (нонконформизм); или это позиция конформиста как следование линии государственного институционализма с его механизмами стимулирования различными бонусами, привилегиями и всем тем, касательно вопросов личной карьеры, а значит и смыслом личного стремления.

То есть, с одной стороны видятся стратегии прогрессивные, неолиберальные, частью которых является свобода высказывания. С другой - авторитарные (циничные, пессимистичные) и консервативные (сворачивания свободы высказывания, ограничительное законотворчество, манипуляции мнениями, запугивание населения, легитимация страха - «лишь бы не было войны!»).

Есть другой сон, - сон о завоевании.

О завоевании творческой автономии, которая не мыслится без завоевания в других областях, без новой социальной, политической, эстетической практик, без способности к этико-политической артикуляции, без переизобретения окружающей среды и в конечном счете без реакционных националистически, религиозных и расистских предубеждений, - враждебных и репрессивных по отношению к инакомыслию, женщинам, детям, маргинализированным группам (большой части молодого населения и пожилых людей), к любым нововведениям и мирным методам социальной борьбы.

Например, в послевоенные годы не существовало «разделения искусства на интересное и художественное» согласно Шопенгауэру. Искусство являлось частью советского идеологического оружия, но для простого народа, уставшего от воин, идеологического давления и уравниловки, представление об искусстве, было скорее связано с сновидениями о чувственном рае, желании этого рая, -

идеалистическом мире (что само по себе вступало в противоречие с материалистической доктриной, отвлекая от главной задачи - борьбы за построение коммунизма). Интересное и художественное, сливаясь воедино, бытовало в виде наивной живописи, созданной самодеятельными художниками на обыкновенных столовых клеёнках. В этом случае позиция советских идеологов смыкалась с позицией Шопенгауэра, считавшего что интересное искусство обращается к самым низменным человеческим потребностям, как еда и телесные утехы в отличии от репрезентативной политики, внедрённой в государственные художественные стратегии соцреализма.

Мы живём в то время, когда сны поражены гангреной потребления масс-медиа, и подвергаясь ментальному манипулированию при помощи массмедийной и телематической стандартизации, консервативных тенденций, цензуры, «определяют» новые линии психических изломов.

«Духовные ценности», о которых раньше активно рассуждали, сдвинуты на периферию внимания.

Сегодня превращённые в сервис, сведённые к рыночным отношениям, к потреблению, рекламе, саморекламе социальные связи, а также все более назойливые и проникающие, непосредственно управляющие вниманием коммерческие стратегии, встроены в наши сны, которые больше не несут в себе обещания иного будущего, тем более светлого и великого.

Вячеслав Ахунов, куратор выставки "Служебный характер сноведений"